

Два сфинкса

По изданию "Два сфинкса", изд. "Товарищество", С-Петербург, 1916

Часть I. Любовь принцессы

Глава I

В одном из кварталов Мемфиса, вдали от густо населенного центра древней столицы, стоял красивый дом, окруженный большим садом. Дом этот был возведен на самом берегу Нила, на искусственном холме, откуда открывался чудный вид на противоположный берег и на пестревшую судами реку. С террасы, обнесенной балюстрадой, виднелась царившая над городом "Белая крепость", - храмы, дворцы и обелиски которой отливали золотом и пурпуром под лучами заходящего солнца.

За домом, примыкая к саду, тянулся большой, обсаженный пальмами и смоковницами двор, служивший, очевидно, мастерской скульптору, так как по нему разбросаны были глыбы гранита, глины, базальта, виднелись разбитые статуи, а под навесом, у стены, стояли уже законченные произведения. Посреди двора, на высоких пьедесталах из черного базальта, возлежали два сфинкса, а перед ними, на складном табурете, сидел творец их художник, очевидно только что закончивший свою работу.

Это был молодой еще человек, лет под тридцать, чисто египетского типа, высокий, худощавый, стройный. Бронзового цвета лицо его, с большими черными, бархатистыми глазами, тонкими правильными чертами и густыми, почти сросшимися бровями - дышало энергией; маленький, красиво очерченный рот, с едва опущенными уголками, придавал ему горделивое выражение, а широкие подвижные ноздри слегка сгорбленного носа указывали на пылкие страсти.

В эту минуту он мечтал и взор его терялся в пространстве. По застывшей позе его самого легко можно было принять за прекрасную статую молодого бога, вышедшую из-под его же резца.

Наконец, скульптор встал и с восхищением взглянул на стоявших перед ним сфинксов. Чудной работы, они поражали необыкновенным богатством отделки: главы их были покрыты белыми, эмалированными полосатыми клафтами - голубое с золотом у одного и зеленое с золотом у другого, а лбы украшали цветы лотоса - голубой и розовый. Лепестки были так нежны и так хорошо сработаны, а золотые пестики так тонки и гибки, что цветы можно было бы легко принять за живые.

Лицо одного из сфинксов изображало самого художника, лицо же другого - женщину, редкой красоты. Губы статуй были слегка окрашены, а вместо глаз вставлены у одного сапфиры, а у другого изумруды. Блеск камней и их прозрачность придавали каменным изваяниям необычайную жизненность, что-то демоническое. Каким образом гранит был эмалирован и как к полосатым клафтам были прикреплены цветы лотоса - все это составляло секрет художника, с улыбкой гордого самодовольства любовавшегося своим творением.

Но несмотря на все совершенство, каким отличалась работа этих двух сфинксов, древний египтянин нашел бы многое, что сказать против них: несколько веков назад такое исполнение их, вместо похвалы, стоило бы художнику сурового наказания.

Искусство в Египте было подчинено неизменным, признанным священным правилам, от которых нельзя было отступать, не навлекая на себя обвинения в кощунстве. Поза, размеры членов и орнаментовка - все было точно предусмотрено и обусловлено.

Между тем, в обоих сфинксах все эти священные правила были значительно смягчены, и в грациозной непринужденности позы и в орнаментах чувствовалось что-то иное, словно пробивалась свежая струя нового, могучего и свободного искусства, далекого от устаревших, застывших в своей неподвижности "священных" образцов.

Но в то время, к которому относится наш рассказ, художник мог уже безбоязненно позволять себе подобные вольности. Яхмос II (Амасис Геродота) царствовал тогда в Египте; друг греков, ставший и сам греком, насколько, однако, это было возможным для фараона, он покровительствовал иноземцам и поощрял их искусство и промышленность, горячо желая, чтобы юный, полный жизни гений Эллады, через греческих поселенцев, воздействовал на величавую, но дряхлеющую цивилизацию Египта и влил в